

Вольфганг Айхведе

Дорогой Сеня, из 70 лет твоей жизни я знаю тебя 28, а впервые услышал о тебе лет 35 назад, может быть, даже немножко раньше. Так что я знаком с тобой уже, считай, полжизни. С тех пор в твоей стране и во всем мире произошли масштабные изменения, и многие не без твоего участия. А все-таки когда я думаю о тебе, представляю себе все те же картины: ты в крошечной комнатке в старом здании «Мемориала» или на кухне у себя дома, позади узенького коридора, а вот ты выступаешь в Доме кино, на дворе 1988 год, или в Фонде Бёлля на моем 70-летию (это уже в Берлине, в 2012-м), или я вижу тебя с сигаретой в руке, слегка замерзшего, ты ведешь задушевные беседы у чьей-то двери. И всегда ты остаешься задумчивым Сеней Рогинским, который увлекает за собой многих и вместе с тем остается для многих точкой опоры, особенно в тревожные времена. Если верить моей записной книжке, наша с тобой дружба началась на Неделе совести, проходившей осенью 1988 г. на Московском электроламповом заводе. Мы вместе стояли перед картой СССР, на которой были обозначены места расположения лагерей. Рядом была установлена стена, к ней прикрепляли имена людей, о судьбе которых мало что было известно, их следы разыскивали.

Дорогой Сеня, я поздравляю тебя с юбилеем и хочу сказать: нам всем очень повезло, что у нас есть ты, – повезло делу, которому ты отдаешь всего себя, повезло стране, повезло всем твоим друзьям, среди которых и я.

Чествовать тебя – не такое уж легкое дело. Я знаю, что тебе не по душе патетические речи. Конечно, искушение велико. Но придется признать, что громкие слова для такого случая, и правда, не очень подходят. Потому что секрет твоего ни с чем не сравнимого обаяния, твоей харизмы в мягкости, непосредственности, в том, как ты подыскиваешь слова, когда говоришь. Ты человек, который сперва раскрывается сам, а уже потом втягивает в свою орбиту других. Когда ты знакомишься с новым для тебя человеком, ты слегка склоняешь голову вправо, протягиваешь руку, улыбка скользит по твоему лицу, глаза быстро вглядываются в незнакомца, выдавая осторожное любопытство, – все это происходит за секунду-другую, но мостик уже перекинут. Ты выжидаешь, присматриваешься к собеседнику, и кажется, будто ты про него все уже знаешь, даже не спросив. Ты располагаешь к разговору.

И когда ты говоришь на публике, то ничуть не меняешься. Впервые я побывал на твоём выступлении в Москве в самый разгар перестройки. Дело было осенью 1988 г. Медленно, словно колеблясь, ты прошел к трибуне и начал говорить совсем тихо, тем не менее после первых же твоих фраз все взоры – а театральный зал был набит битком – обратились к тебе, и люди ловили каждое твое слово. При этом ты не был похож ни на пророка, который всех ведет за собой, ни на безгрешного святого, наделенного знанием о высшей правде, ни на политика, цель которого – завоевать доверие слушателей. Ты был молодым горячим историком, мужественным правозащитником, у которого за плечами было четыре года советских лагерей. Когда ты говоришь, то умеешь донести свою мысль на конкретных примерах. Ни один человек в зале не остался равнодушен к твоим историям. Многие и сами пережили подобное. В сказанном тобой они увидели себя, а вместе с тем узнавали много нового. Ты и сегодня остаешься прекрасным рассказчиком. Возможно, секрет твоего мастерства в том, что ты сам вживаешься в то, о чем говоришь.

С историей своей страны ты связан двойными узами – как действующее лицо, которое движет историю, и как исследователь, который ее изучает. Нередко эти две роли накладываются друг на друга. Желание узнать, что произошло в твоём детстве, и судьба отца породили, как ты и сам не

устаешь повторять, твой интерес к истории. В итоге ты стал одним из составителей сборника «Память», одного из первых в моем собрании самиздатских изданий в бременском архиве Центра восточноевропейских исследований. В марте 1981 г. я приезжал в Ленинград, где встретил твоих единомышленников – Нину Маслову и ее мужа Сергея. Это был знаменательный вечер. Еще днем я узнал, что Анатолия Марченко вновь посадили. В Москве же я познакомился с Люсей, женой Сергея Адамовича Ковалева, хотя сначала и не знал, кто она такая. Мы сидели в гостях у нашего общего знакомого. Услышав, с каким жаром она клеймит советскую власть, я посоветовал ей быть осторожней. В ответ она только рассмеялась: «Ах, Вольфганг, мой муж уже семь лет в лагере, чего мне бояться?» Тогда же началась моя дружба с Ноэми Ботвинник. Это был тот год, когда тебя арестовали. В «Русской мысли» я прочитал расшифровку твоей великолепной речи в суде. Помочь тебе я не мог. Теперь я думаю: может быть, пропасть, которую ты там увидел, и стала источником твоей никогда не иссякающей силы? Когда я мысленно возвращаюсь к тому времени, на которое пришлось годы твоего заключения, я вижу человека, который не склонил голову и точно знает: самое дорогое, что у него есть, – это достоинство. Если мы не будем помнить и пересматривать прошлое, если забудем, что такое страдания и несправедливость, то не сможем построить иное, свободное будущее. Позднее, в начале 90-х, в самый острый переломный момент, когда была опасность, что разъяренные демонстранты возьмут штурмом Лубянку, этот главный орган террора, ты был среди тех, кто в живой цепи людей встал на ее защиту. Насилие не должно было становиться орудием нового времени. Ну а кроме того, необходимо было сохранить документы, которые зафиксировали историю репрессий.

В начале 1990-х годов ты дни и месяцы напролет работал в архивах той самой Лубянки, чтобы с максимальной точностью воссоздать картину террора. Теперь тебе вновь довелось встретиться с некоторыми ее сотрудниками – в начале 80-х они при встречах с тобой вели себя по-другому. Зигзаги истории приводят порой к удивительным вещам. Впрочем, ты не собирався сводить с ними личные счёты, хотел лишь выяснить, как же все-таки у них все было устроено. За те долгие проведенные в архивах часы ты изучил тысячи документов и стал таким образом уникальным свидетелем эпохи. Сколько же страшных историй ты в ту пору пропустил через себя! Но дело не в обилии материала, хотя благодаря объему изученных документов ты стал знатоком, – дело в твоей способности растолковать прочитанное. Как работала машина уничтожения, какие судьбы скрывались за документами. Статистика для тебя перестала быть чем-то безымянным, ты наделил жертв именами и назвал их мучителей и убийц. Из наложения этих двух перспектив родилась идея исследования века, за которое никто бы, кроме тебя, не взялся. Ты ведь об этом знал не понаслышке: родился ты в месте ссылки отца, а затем сам стал политзаключенным, поэтому ты глазами знатока читал показания, проникая в самую их суть. Когда ты приходил из архивов, то нередко подолгу молчал, иногда тебе требовались целые часы и даже дни, чтобы вернуться в настоящее, которое и сделало возможной твою работу в архивах.

Ты настоящий историк, историк по призванию. Для тебя нет несущественностей: ты приходишь в восторг, если удастся узнать какие-то детали, которые поначалу кажутся пустяком. В воссозданной тобою мозаике времени все эти мелочи находят себе место, в результате полотно, которое открывается взгляду, поражает своей цельностью. Даже в каждодневной жизни тебе удается делать открытия. Несколько лет назад я приезжал в Москву со студентами из Бремена. Ты повел нас на кладбище Донского монастыря, расположенное неподалеку от твоего дома. В сталинские времена там казнили, а затем кремировали тысячи «врагов народа». Их прах развеивали, чтобы не осталось мест захоронения. Между тем на этом же кладбище похоронен и палач – его могилу ты однажды случайно обнаружил, гуляя по кладбищу. История тебя никогда не отпускает. Я уже не помню, сколько тебе исполнилось лет, наверное 45, когда в комнате на каком-то высоком

этаже собралась веселая компания. В 10 часов вечера ты вдруг постучал по стакану и сказал, что, наверное, гости пришли не только ради того, чтобы тебя поздравить. Ты собирался рассказать нам о том, кто из заключенных в 30-е годы под воздействием пыток признавал себя виновным, а кто – нет; скажем, троцкисты признавали чаще, чем старые меньшевики. Всю нашу шаловливость как ветром сдуло – ты напомнил нам о тех страданиях, которые навсегда остались в истории твоей родины. Под утро мы вновь развеселились.

Ты – это «Мемориал», а «Мемориал» – это ты, хотя, конечно, было бы неверно, да ты и сам бы этого не захотел, устанавливая между вами знак равенства. Но что совершенно точно, это то, что вы дополняете друг друга. «Мемориал» едва ли можно представить без тебя, хотя он и был образован в том числе ради последующих поколений и держится на плечах многих людей, каждый из которых делает необычайно большую работу. Называть их всех здесь невозможно. Но все-таки одного человека я не могу не упомянуть, хотя бы потому, что благодаря ей я узнал тебя, – это Лена Жемкова. Я восхищаюсь ее внутренней силой, ее спокойствием и умением стратегически мыслить, ее невероятной работоспособностью и прекрасными человеческими качествами. Но вернемся к тебе. Если вместе с тобой осматривать огромный, постоянно растущий архив «Мемориала», или побывать на одной из выставок, которые вы организовывали в полуподвале на Каретном Ряду и в разных точках мира, непременно возникнет впечатление, что ты знаком с каждым документом, с каждым именем из списка, и о том, и о другом ты можешь рассказывать часами. В этом грандиозном, едва обозримом собрании материалов воплотилась твоя мечта – «сохранить на все времена» все то, что свидетельствует о человеческих страданиях и достоинстве, о гнете и сопротивлении, наконец, о борьбе за свои права. Этот архив стал частью тебя и твоих соотрудниц, это «память, которая никогда не исчезнет». Твоя работа создает культурное наследие не только для России, – «Мемориал» принадлежит Европе и всему миру. Ты прервал молчание и тем самым вернул человеческое достоинство жертвам Сталина в разных странах, – неважно, идет ли речь об иностранцах-каторжанах или о Катыни, ведь это только немногие примеры.

Твое понимание истории меняет настоящее. Именно потому, что ты привык бороться за свою независимость, ты выполняешь и политическую функцию. Ты историк, а значит для тебя естественно быть и правозащитником, а раз ты правозащитник, то не можешь не заниматься историей. Эта двойственность делает тебя уникальным. По старой диссидентской традиции ты избегаешь общения с теми, с кем тебя всегда разделяла непреодолимая пропасть. Ты знаешь, по каким правилам играют власти, и никогда ты не оказывался побежденным. Сама власть тебя тоже не прельщала. В первые десятилетия новой России в высших эшелонах государства еще прислушивались к голосу «Мемориала». Ковалев был уполномоченным по правам человека, ты участвовал в разработке нового закона о реабилитации жертв политических репрессий. Но и тогда ты оставался полностью независимым и открыто высказал свое мнение, когда Борис Ельцин развязал Первую чеченскую войну. Сегодня ситуация в корне изменилась. Режим Путина вновь ведет наступление на свободы и права граждан, ввязывается в войну и мобилизует население, играя при этом на патриотических чувствах. Недавно, в самом начале 2016 г., ты оказался в Берлине и в Бремене. И когда тебя спросили, что же все-таки делать в таком, казалось бы, безнадежном положении, ты, пожимая плечами, ответил, что нужно просто идти своим путем. Что защита прав человека не вопрос политической конъюнктуры. И, улыбаясь, заметил, что тебе пришлось жить во времена, когда дела обстояли намного хуже, чем теперь, и что в этом-то и состоит преимущество твоего возраста. Я же добавлю, что отношение государства к правам человека зависит и от людей, от того, будут ли они бороться за свои права, если эти права пытаются у них отобрать. Твой личный пример – прямое тому доказательство. И хотя твои

принципы остаются неприкосновенны, тебя все же можно назвать дипломатом во имя прав человека.

Наконец, дорогой мой Сеня, ты хоть представляешь себе, как много ты сделал для нас, людей Западной Европы? В роли «русского агента» в Германии? Сколько раз ты приезжал в Бремен, Кёльн и, конечно, Берлин! И когда ты появлялся у нас, в Центре восточноевропейских исследований, что-то менялось в самом воздухе. И сколько раз мы обсуждали, какими должны быть новые институты, новая Германия и новая Россия! Каждый твой приезд становился событием. В тот момент мы верили, что сможем изменить мир. Из Парижа в Бремен приезжал Андрей Синявский, только чтобы встретиться с тобой. Однажды, засидевшись до глубокой ночи и уже раскупорив вторую бутылку вина, мы задумались над тем, не сделать ли нам Центр восточноевропейских исследований филиалом «Мемориала». Много, о чем мы тогда говорили, так и останется между нами.

В Германии ты имеешь и политический вес. К твоему мнению прислушиваются. Деятельность «Мемориала» была отмечена в Германии высокими государственными наградами: Премией имени Льва Копелева за свободу и права человека в Кёльне, Премией мира имени Эриха Марии Ремарка в Оснабрюке и орденом «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия». Твои исследования в области истории каторги, предполагавшие собрание и публикацию сотен тысяч писем каторжан, изменили немецкую политику, подготовили условия для того, что наконец-то (хотя слишком-слишком поздно!) Германия начала выплачивать компенсации. Важные роли здесь сыграли Ирина Щербакова и Лена Жемкова. Привлечение к этой работе Фонда Генриха Бёлля, Партии зеленых, некоторых университетов (например, в Йене и в Бремене) свидетельствует о том, сколько у тебя союзников в Германии. Незабываемы твои выступления на открытии выставки в замке Харденберг, посвященной ГУЛАГу, и на берлинской выставке «Самиздат в ГУЛАГе». Я уже не говорю о твоем тесном общении с правозащитниками на территории бывшей ГДР – подобные контакты объясняются исторической близостью. Впрочем, во всех случаях, когда ты был с чем-то не согласен, ты не стеснялся говорить это вслух. Так, в 1999 г., во время военных действий НАТО в Сербии, фракция зеленых в бундестаге пригласила тебя, чтобы обсудить существующие разногласия. На заявление твоего хорошего друга о том, что его партия одобряет действия НАТО, ты отреагировал так: «Поздравляю тебя, дорогой... Ты стал великолепным политиком, но перестал быть правозащитником». И сегодня немецкие политики всевозможных мастей в любой момент готовы просить твоего совета. Они ценят твой голос, твою вдумчивость. Некоторые видят в тебе сейсмографа, другие пытаются сориентироваться с твоей помощью. И хотя на тебя не возложено никаких государственных функций, ты сам по себе воспринимаешься как отдельная институция. Ведь оратором, выступающим от имени российского гражданского общества, тебя тоже не назовешь – уж слишком оно неоднородно. Да ты бы и сам не согласился выполнять эту роль. Ты говоришь только за себя самого.

Скажу несколько слов и о настоящем. Агрессивная политика Путина, которую он ведет как внутри страны, так и за ее пределами, поставила перед тобой и перед всеми вами острый вопрос: сможет ли «Мемориал» и дальше работать в условиях авторитарного государства. Парадокс состоит в том, что из-за давления властей возможности гражданского общества постоянно сужаются, но при этом именно сейчас деятельность такой организации как «Мемориал» особенно необходима. Но вам всем не привыкать работать в сложной ситуации, а ваша изобретательность в деле борьбы за мир и правду в российском обществе не знает границ. Хотя никто из нас не знает, сколько препятствий еще придется преодолеть. Тем убедительнее звучат слова, которые ты недавно произнес во время одной из публичных дискуссий в Берлине: «Мы просто работаем дальше».

Мой дорогой Сеня, вместе со своими товарищами из «Мемориала» ты сегодня олицетворяешь другую Россию. И это вселяет надежду. Дело, которому ты посвятил всю свою жизнь, помогло преодолеть советскую диктатуру. Рано или поздно путинская эпоха тоже останется позади, и с твоей помощью в твоей стране незыблемыми станут права человека.

Поздравляю тебя и от души благодарю.

Твой Вольфганг